

что перестанут писать, как будто от их писаний общества благополучие состоит. Такие думают, что такими угрозами они много отомщавают тем, кои их не почитают; но им все смеются. Если они будут писать, то себе сделают пользу; а ежели нет, то их книжные доходы уменьшатся. Толь гордые ученые люди по справедливости общественного презрения достойны; ибо они, сколько бы учены ни были, не должны хвастаться своим знанием, но должны употреблять оное для пользы общества, для которого благополучия все честные люди все свои силы и знания употреблять должны. Кто в том спорит, что знать науки есть весьма почтенное, полезное и похвальное дело, но надобно оные знать не для себя одного, но для пользы общественной; следовательно не надлежит гордиться тем, что мы для других имеем, и чем мы обязаны делать пользу другому. Смешов бы был тот слуга, который за то, что умеет изрядно служить, предпочел бы себя господину и его бы презирал; а для меня еще смешнее тот Оратор или Стихотворец, который угрожает обществу, что перестанет писать, будучи должен всеми силами и всею своею способностью оному служить».¹ Нет сомненья, что в этом отрывке речь идет о Сумарокове. Характерно при этом, что Эмин выступает против Сумарокова с принципиальной позиции писателя-слуги общества, усматривая в своем противнике гордость, претензии на руководство обществом. В самом деле Сумароков считал, что его произведения необходимы для морально-политического воспитания дворянства; считая себя одним из вождей дворянского общественного мнения, он приписывал (не без некоторого основания) своему творчеству значение большой культурной и политической силы. Эмин, для которого внутридворянская фронда Сумарокова представлялась едва ли не барской блажью, мог объявить его просто нелепым гордецом.

Характерен также полемический ход Эмина, насмешливо указывающего на денежный импульс к творчеству; так же, как Эмин-буржуазный идеолог игнорирует дворянское общественное служение Сумарокова, Эмин-писатель, торговавший своим творчеством, хочет дискредитировать позу материальной незаинтересованности дворянского поэта в своем творчестве, вскрыв всегда, по его мнению, присутствующий для писателя коммерческий мотив его литературной работы. «Стихотворец, который угрожает обществу, что перестанет писать», стремясь отомстить тем, кто его не почитает — конечно, Сумароков, действительно, не один раз в своей жизни заявлявший о своем отказе от литературы в результате конфликтов, главным образом с правительством. В частности, в заключение «Трудолюбивой пчелы» (1759) Сумароков поместил стихотворение: «Расставание с музами», в котором говорил:

«Для множества причин,
Противно имя мне писателя и чин;

¹ *Искьяма Ирисета и Доравры*, СПб., 1766, ч. III, стр. 132—135.